

МЕТАКОГНИТИВНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ
ОБЛАСТИ „КАЖИМОСТИ” (НА МАТЕРИАЛЕ СЕМАНТИКИ
ГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕДИКАТОВ *КАЗАТЬСЯ*, *ПОКАЗАТЬСЯ*)

THE METACOGNITIVE REPRESENTATION OF THE CONCEPTUAL
FRAMEWORK OF „КАЖИМОСТЬ” (BASED ON THE VERBAL
PREDICATES *КАЗАТЬСЯ*, *ПОКАЗАТЬСЯ*)

ЕЛЕНА ЧЕРНЦОВА

АБСТРАКТ. The article analyzes the correlation between the cognitive semantics of the words *казаться*, *показаться* and the ordinary/fictional narrative strategy, embodied in a context of a particular type. The cognitive semantics of the words is identified within such parameters as a ‘discourse context type’, ‘narrative strategy’, as well as the ‘communicative register’ – either ‘reproductive’ or ‘informative’. The paper considers a gestalt scenario, according to which different contexts with the words *казаться*, *показаться* are built up. The author demonstrates the integrity of the gestalt and also describes focus shifts which underlie the construction of different contexts – ‘background’ and ‘figure’.

Keywords: cognitive semantics, gestalt, background, figure, the communicative register, the ordinary narrative strategy, the fictional narrative strategy

Елена Чернцова, Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, Харьков – Украина, e.v.cherntsova@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-1579-7070

Цель статьи состоит в том, чтобы предложить метакогнитивную репрезентацию концептуальной области *кажимости*, показать целостность (гештальтность) рассматриваемой концептуальной области. Метакогнитивная репрезентация гештальта строится с опорой на инферентные выводы, полученные в результате когнитивно-дискурсивного анализа контекстов функционирования глагольных предикатов *казаться*, *показаться*.

Когнитивистика предложила новую теорию языка, главный постулат которой заключается в том, что значения всех языковых форм зависят от когниции, т. е. от того, как концептуализируется человеком описываемая им ситуация и какому видению ситуации и какому ее „конструированию” (*construal*) эта форма соответствует [Кубрякова 2012: 63–79]. Для нашего исследования особенно важны выводы когнитологов о том, что когнитивная семантика слова связана с ментальной репрезентацией,

существующей в виде целостной, гештальтной единицы, не структурированной до своей вербализации; вербальная деятельность во многом следует законам перцепции; визуальная информация хранится в памяти, повторяя основные контуры расположения объектов в пространстве. Понятие „гештальт“ предполагает способность человеческой психики организовывать опыт в целостные в функциональном отношении структуры, образы, формы. Гештальты не образуются в результате простого суммирования признаков объектов, а воспринимаются как „фигура“ на „фоне“, при этом в структуре гештальта „фигура“ задается „фоном“. Термины „фигура“ и „фон“ подчеркивают тот факт, что характер выделяемой сущности во многом зависит от невыделенной, фоновой структуры знаний, в которую эта сущность погружена [см. Ирисханова 2014: 24–63]. В связи с этим для описания когнитивной семантики контекста и интересующих нас слов *казаться, показаться* используем понятия „гештальт“, „фигура“, „фон“, „фокус“.

Когнитивно-дискурсивный анализ позволяет осмыслить коммуникативные установки говорящего в корреляции с когнитивными основами его речи. Понимание контекста в духе когнитивно-дискурсивной парадигмы предполагает установление корреляции между значением слова и семантикой контекста, напрямую обусловленной интенциями говорящего и более общим замыслом всей осуществляемой им дискурсивной деятельности. В духе когнитивистского понимания контекста нами был проанализирован языковой материал, взятый из *Национального корпуса русского языка* [НКРЯ], выделены основные типы контекстов глагольных предикатов. Методика исследования реализуется в следующих параметрах: первый параметр – ‘дискурсивный тип контекста’ – позволяет учесть специфику референции текста, предопределенную характером связанного с ним мира (обыденный рассказ референциально связан с действительным миром; в художественном тексте конструируется фикциональный мир); характер когнитивной и дискурсивной деятельности субъекта дискурса, тип адресата; стратегию и жанр нарратива (обыденный – художественный). Второй параметр – ‘коммуникативный тип контекста’ – включает характеристику ‘коммуникативного регистра’ (‘репродуктивный’ – ‘информативный’) и показатель диалогичности/монологичности высказывания („Я“-, „Ты“-, „Он“-контекст) [Золотова 2004: 29–35].

Задачи исследования связаны с различением репродуктивного и информативного характера коммуникативного регистра, поскольку именно эти коммуникативные установки отражаются в значениях изучаемых слов. Коммуникативный регистр понимается лингвистами как определенный тип отражения действительности, обусловленный точкой зре-

ния говорящего, его пространственно-временной позицией, запечатленной в тексте. Репродуктивный регистр представляет субъекта, который находится в локусе описываемого им события, в силу чего он констатирует лишь только то, что видит, слышит или чувствует непосредственно. Информативный регистр имплицитно представляет субъекта, который не просто описывает то, что видит, но интерпретирует наблюдаемую ситуацию, осмысляет, оценивает ее с позиций собственного понимания, предварительных (пресуппозитивных) знаний.

Представим основные типы „Я”-контекстов обыденного и художественного дискурса в корреляции с разными значениями избранных для анализа слов. Начнем с контекстов обыденного дискурса.

Первый тип контекста – репродуктивный „Я”-контекст (*мне кажется*₁) отражает прагматическую ситуацию актуального наблюдения говорящим некоторого объекта, который становится предметом обсуждения в обыденном диалоге (Ср.: „Смотри: сейчас на горизонте покажется₁ море”). Реже в контексте указывается на другие виды перцепции: „Ветер мне кажется теплым”; „Его голос показался мне знакомым”; „Кажется, пахнет газом”; „Суп кажется пересоленным”; „Кожа на ощупь показалась шершавой” [НОССРЯ]. Когнитивные признаки репродуктивного контекста можно зафиксировать в следующем метавысказывании: ‘говорящий находится в локусе происходящего события; говорящий воспринимает некоторый объект действительного мира и сообщает об этом собеседнику’. Названные признаки концептуализируются в семантике контекста: в репродуктивном „Я”-контексте конструируется когнитивный процесс самого говорящего („Гора мне кажется₁ высокой” – ‘я вижу гору, сообщаю: гора высокая’). Говорящий представлен как субъект зрительного восприятия объекта действительности (гора), его идентификации, осмысления результатов перцепции (кажется высокой).

В „Я”-контексте обыденного репродуктивного сообщения *казаться*₁ обозначает первое зрительное впечатление, которое в норме сменяется другим впечатлением. Ср.:

А под дубами / между тем / всё так же пахнет грациным пухом и помётом.
И дубы **кажутся такими же / как были** / ничуть не изменилися / не прибавили
ни в росте / ни в толщине за те двадцать пять с гаком разлуки. Впрочем / четыре
дуба успели рухнуть. Увы / даже эти могучие великаны не вечны в этом ложном
мире / неверном и нестойком [НКРЯ].

В контексте говорящий моделируется не только как субъект восприятия, но и как субъект последующего рефлексивного акта, суть которого заключается в осознании „обманчивости” первого впечатления (Впрочем / четыре дуба успели рухнуть).

Второй тип контекста – информативный „Я”-контекст (*мне кажется*₂) отражает другую прагматическую ситуацию: ‘говорящий не находится в локусе описываемого им события; говорящий интерпретирует ситуацию, оценивает ее с позиции предварительных (пресуппозитивных) знаний’. Информативное значение связано с репродуктивным – ‘интерпретация говорящего сложилась на базе перцептивных данных’. Ср.:

А я сегодня в таком настроении... Понимаете / у меня был концерт вчера / **мне кажется** / он удался. Почему говорю **кажется** / потому что я в хорошем смысле „жиряф”. Я не могу выйти из кинотеатра и сказать / понравился мне фильм или нет. Сразу. Мне надо пойти там / подумать... и в какой-то момент сказать „отстой” / скажем [НКРЯ].

Когнитивная семантика предиката *казаться*₂ связана с оценочной интерпретацией события (*мне кажется*₂, *концерт удался*). Обыденное сообщение содержит мнение говорящего, которое предполагает предварительное осмысление перцептивных данных.

Третий тип контекста – нарративный „Я”-контекст воспоминания (*мне казалось*₃) характеризуется следующими когнитивными признаками: ‘говорящий рассказывает о прошлой ситуации, в которой принимал непосредственное участие (субъект-экспериментер); говорящий обладает знаниями о том, как на самом деле происходило описываемое событие’. Ретроспективный взгляд на событие, базирующийся на знаниях, дает рассказчику преимущество по сравнению с актуальным наблюдением. В „Я”-контексте воспоминания с предикатом *казалось*₃ имплицитно сложная субъектная структура: субъектом-экспериментером выступает говорящий как участник прошлой ситуации („Я” в прошлом), субъектом же знания и субъектом речи является говорящий – „Я” в настоящем. Ср.:

Ветер крепчал и кренил лодку. Похоже / я сваял дурака. Предсказания сбылись. Вода поднялась выше / чем **мне казалось с берега** и заливала лодку. Лава kloкочущей воды хлестала через борт. Нюхом прирождённого моряка я мгновенно определял мощь каждой надвигавшейся волны. Плохо дело / надо было... [НКРЯ].

В контексте речь идет о зрительном восприятии в прошлом *мне казалось с берега* – ‘я видел, что вода поднялась, но, как выяснилось позже, точка моего обзора (с берега) не позволяла увидеть всей картины’. Значение ‘позже выяснилось, что я ошибался’ „разлило” во всем контексте, ср.: „Похоже / я сваял дурака. Предсказания сбылись. Вода поднялась выше / чем...” Форма прошедшего времени имперфективного предиката *мне казалось*₃ позволяет реконструировать в речи первое впечатление,

которое произвела на говорящего ситуация. Говорящий делится с адресатом жизненным опытом: 'не всегда первое впечатление соответствует тому, что имеется на самом деле'. Цель обыденной нарративной стратегии состоит в том, чтобы заинтриговать слушателя: говорящий противопоставляет *кажимость* первого впечатления (*мне казалось₃ с берега*) тому, что на самом деле происходило в действительности и впоследствии было осмыслено субъектом речи.

Материал обыденного дискурса показывает, что, рассуждая о причинах *кажимости*, говорящий рефлектирует над ролью внешних обстоятельств наблюдения – неудобным местом, темным временем суток, предметами, заслоняющими наблюдаемый объект и др. И хотя обыденный нарратив не воссоздает события в его подлинной объективности, а создает образ события глазами рассказчика, говорящий тем не менее оперирует референциальными категориями. Рассказчик присваивает себе коммуникативный статус носителя „истинного” знания о событии. Обыденный нарратив отличается от других типов нарратива (прежде всего – художественного) репродуктивно-описательной стратегией, берущей начало в событиях реального мира, а также типом субъекта-рассказчика – конкретного, индивидуализированного, как правило, известного адресату.

В художественном дискурсе, в соответствии с логикой репродуктивно-описательной стратегии, смысловая нагрузка слова возрастает: предикаты *казаться₄*, *показаться₄* создают перцептивный план текста, вместе с другими средствами репродуктивного регистра (*Я вглядывался*) конструируют фокус наблюдения рассказчика. Ср.:

Я вглядывался в рытвины Столовой горы, промытые протоками и образующие так называемые „ножки стола”. На этом расстоянии **то, что издали казалось мхом, травкой**, явилось целыми лесами кустов и деревьев. **Вся гора**, взятая нераздельно, **кажется какой-то мрачной, мертвой, безмолвной массой**, а между тем там много жизни: на подошву ее лезут фермы и сады, в лесах кишат змеи, бегают шакалы и дикие козы [НКРЯ].

Проанализируем когнитивную значимость слова *казаться₄* в построении художественной репродуктивно-описательной стратегии. Коммуникативные интенции рассказчика состоят в изображении природного пространства, которое он видит. Пространственно-временная позиция наблюдателя (он же рассказчик) моделируется как синхронная тому, что происходит в художественном мире. В этом контексте важную роль играют грамматические формы прошедшего и настоящего времени глаголов: глаголы прошедшего времени представляют авторское повествование о прошлом („Я вглядывался... казалось...”), а настоящего – созда-

ют в тексте эффект 'синхронности' наблюдателя и наблюдаемого („кажется... лезут... кишат...“).

В таком контексте глагольный предикат маркирует сообщение рассказчика о наблюдаемом объекте, первых перцептивных впечатлениях от объекта: „гора кажется какой-то мрачной, мертвой“ – ‘наблюдатель находится в локусе происходящего: именно в тот (моделируемый в тексте) момент времени наблюдатель видит, что на горе ничего нет’. Далее в рассматриваемом фрагменте фиксируется смена впечатлений: первое впечатление сменяется другим (ср.: „а между тем там много жизни“). Глагольный предикат маркирует первое впечатление – то, что видно с большого расстояния (ср.: „то, что **издали** казалось мхом, травкой, явилось целыми лесами кустов и деревьев“). Репродуктивно-описательная стратегия строится на оппозиции впечатлений: *казаться*₁ получает значение ‘субъект-экспериментер сначала описывает объект, который видит издали, а потом это первое, неполное, общее зрительное впечатление сменяется другим, более детальным, полным’. Как показывает наш материал, часть художественных контекстов (в отличие от контекстов обыденного дискурса) имплицитно маркирует позицию второго субъекта, которому приписывается второй когнитивный акт – либо акт наблюдения, либо акт рефлексии над полученным впечатлением.

Далее проанализируем когнитивную значимость *казаться*, *показаться* в построении информативно-описательной стратегии ‘рассказ-воспоминание участника события’, воплощенной в тексте Льва Толстого *Метель*. Сравнение контекстов обыденного дискурса с художественными показывает, что в художественном дискурсе информативный потенциал слова увеличивается: если в художественном контексте представлен рассказчик, который восстанавливает в памяти свои зрительные впечатления и непосредственные ощущения, то предикат получает репродуктивное значение – ‘рассказчик восстанавливает в памяти бывшее ощущение/впечатление для того, чтобы сфокусировать внимание читателя на состоянии природы’ (*казалось*₅). Ср.:

Было уже темно, когда я, закутавшись в шубу и полость, рядом с Алешкой уселся в сани. **За станционным домом** казалось **тепло и тихо**. Хотя снегу не было сверху, над головой не виднелось ни одной звездочки, и **небо** казалось **чрезвычайно низким и черным** сравнительно с чистой снежной равниной, расстилавшейся впереди нас.

Если же рассказчик восстанавливает в памяти свои мысли, выводы, умозаключения, то предикат получает информативное значение (*казалось*₆). Ср.:

Метель становилась сильнее и сильнее, и сверху снег шел сухой и мелкий; **казалось, начинало подмораживать**: нос и щеки сильнее зябли, чаще пробегала под шубу струйка холодного воздуха, и надо было запахиваться.

Акт вывода (*казалось, начинало подмораживать*) отражает информативный регистр текста: читатель получает информацию следующего содержания: 'рассказчик восстанавливает в памяти умозаключение, которое было сделано им на базе полученных перцептивных данных' (*казалось*). Анализ семантики контекстов показывает, что разные значения слова тесно взаимосвязаны, одно предполагает другое, в каждом значении „просвечивает“ некое концептуальное целое.

Если мы сравним информативный контекст с репродуктивным, то увидим, что фокус внимания перемещается с описания природного пространства (в репродуктивном контексте: „**небо** казалось **чрезвычайно низким и черным**“) на когнитивную деятельность рассказчика (в информативном: „Ворочаться мне не хотелось; но и **проплутать всю ночь в мороз и метель в совершенно голой степи**, какова эта часть Земли Войска Донского, казалось **очень невесело**“). В каждом контексте осуществляется наведение своего 'фокуса внимания': в информативном контексте на первый когнитивный план выдвигается информативное значение слова, но при этом репродуктивное значение не исчезает, а как будто отодвигается на второй когнитивный план.

В тексте рассказа Толстого *Метель* глагольные предикаты *казаться, показаться* встречаются в четвертом типе контекста. Четвертый тип контекста может быть противопоставлен описанным ранее по коммуникативной установке – 'воссоздать когнитивный процесс „изнутри“ сознания персонажа, оказавшегося на грани между жизнью и смертью', назовем его 'экзистенциальным'. Состояние сознания характеризуется тем, что персонаж теряет способность адекватно воспринимать окружающее, реагировать на него, оценивать происходящее. В экзистенциальных контекстах *казаться*, *показаться*, становятся средством изображения некоторых онтологических процессов 'жизни сознания', в частности, неспособности персонажа (он же выступает в роли субъекта-экспериментера) в отдельные моменты поддерживать перцептивную связь с реальным миром. Ср.:

Действительно, я замечал, что иногда передовая тройка становилась мне в профиль слева, иногда справа; **мне даже казалось, что мы кружимся на очень малом пространстве**. Впрочем, это мог быть обман чувств, как и то, что **мне казалось иногда, что передовая тройка въезжает на гору или едет по косогору или под гору**, тогда как степь была везде ровная.

Как представляется, контекстное значение глагольного предиката (*мне даже казалось/мне казалось иногда*) можно отразить в следующем метавысказывании: ‘восстанавливая в памяти свои первые впечатления/мысли, рефлектируя над ними, субъект осознает, что был не способен адекватно воспринимать окружающее, анализировать происходящее’. Как показывает анализ, это значение индуцируется общим содержанием контекста ‘в метель трудно передвигаться и ничего не видно’, а также наличием эксплицитных маркеров ‘мнимости’, ‘кажмости’ зрительных впечатлений, ощущений разного рода („это мог быть **обман** чувств...; **но** через минуту мне уже **ясно стало**...; **даже** казалось; казалось **иногда**”). Значение ‘сомнительности/противоречивости/ошибочности восстанавливаемых в памяти прошлых впечатлений’ обеспечивается пресуппозитивным контекстным смыслом ‘рассказчик знает об истинных обстоятельствах, свойствах, отношениях описываемых событий’, ср.: „мне казалось иногда... **тогда как степь была везде ровная**”.

Следующий фрагмент также описывает экзистенциальное состояние страха, тоски, вызванное невозможностью найти дорогу в метель. Субъект-экспериментер не различает предметов, его внимание рассеивается. Ср.:

Напрасно глаз ищет нового предмета: ни столба, ни стога, ни забора – ничего не видно. Везде все бело, бело и подвижно: **то горизонт кажется необъятно-далеким, то сжатым на два шага во все стороны, то вдруг** белая высокая стена вырастает справа и бежит вдоль саней, **то вдруг** исчезает и вырастает спереди, чтобы убежать дальше и опять исчезнуть. Посмотришь ли наверх – **покажется светло в первую минуту, – кажется, сквозь туман видишь звездочки**; но звездочки убегают от взора выше и выше, и только видишь снег, который мимо глаз падает на лицо и воротник шубы; небо везде одинаково светло, одинаково бело, бесцветно, однообразно и постоянно подвижно.

Предикат в таком контексте получает значение ‘зрительные впечатления обманчивы, ненадежны’.

По сюжету персонаж, измученный длинной дорогой, то засыпает, то просыпается: его сновидения сменяются явью. Когнитивная семантика перфективного предиката в сочетании с распространителем *в первую минуту* („как мне показалось в первую минуту”) отражает нарративную стратегию, изоморфную процессу воспоминаний субъекта: воспоминания состоят из ‘квантов’, которые хаотично сменяют друг друга, спонтанно воссоздаются в сознании. Ср.:

Так как я, не ночуя, ехал уже шестую сотню верст, несмотря на то, что меня очень интересовал исход нашего плутания, я невольно закрывал глаза и задремывал. Раз, когда я открыл глаза, меня поразил, **как мне показалось в первую**

минуту, яркий свет, освещавший белую равнину: горизонт значительно расширился, черное низкое небо вдруг исчезло, со всех сторон видны были белые косые линии падающего снега; фигуры передовых троек виднелись яснее, и когда я посмотрел вверх, **мне показалось в первую минуту**, что тучи разошлись и что только падающий снег застилает небо. В то время как я вздремнул, взошла луна и бросала сквозь неплотные тучи и падающий снег свой холодный и яркий свет.

Этот фрагмент показывает, что семантика глагольного предиката амальгамируется с семантикой контекста – ‘рассказчик восстанавливает в памяти тяжелое состояние полусна, находясь в котором он не мог адекватно воспринимать происходящее, разобраться в своих впечатлениях, оценить их’.

Художественная стратегия отдельно изображает динамику угасания сознания замерзающего путника. Нарративная стратегия изоморфна изображаемому когнитивному процессу: контекст показывает, как воспоминания о реальном интерферируются с тем, что причудилось, привиделось рассказчику, нереальное невозможно отличить от реального. В тексте воссоздается континуум ощущений и видений. Ср.:

Я спал крепко; но терция колокольчиков все время была слышна и виделась мне во сне то в виде собаки, которая лает и бросается на меня, **то** органа, в котором я составляю одну дудку, **то** в виде французских стихов, которые я сочиняю. **То мне казалось, что эта терция есть какой-то инструмент пытки, которым не переставая сжимают мою правую пятку.** Это было так сильно, что я проснулся и открыл глаза, потирая ногу. Она начинала замораживаться. Ночь была та же светлая, мутная, белая.

В контексте воссоздается нечто неосознанное, не воплощенное в образах, нечто не подлежащее определению.

Сравнение контекстов обыденного и художественного дискурсов, экспликация когнитивных стратегий субъектов разных дискурсов позволяют зафиксировать существенные различия в функционировании предикатов. Так, в ретроспективных „Я”-контекстах обыденного дискурса значение, которое мы назвали ‘экзистенциальным’, не представлено. В обыденном рассказе преимущественно упоминается о внешних причинах-обстоятельствах, затрудняющих процесс восприятия субъектом некоторого объекта. В текстах же художественного дискурса осмысливаются не только внешние причины *кажимости* (в рассказе Льва Толстого – это метель, снежная стихия, которая сделала окружающее пространство белым, неразличимым, континуальным), но и внутренние – это состояние человека, утомленного дорогой, засыпающего, замерзающего. Дискурс такого рассказчика – утомленного дорогой, засыпающего, замер-

зающего – воссоздает когнитивные процессы как бы „изнутри“ сознания: впечатления быстро сменяют друг друга, ментальные акты имеют произвольный характер, мысли хаотичны, противоречивы. В таком случае предикаты *казаться*, *показаться* играют роль средств, реконструирующих угнетенное состояние сознания рассказчика, в котором он не отличает сна от яви, яви от видения.

Проведенный анализ позволяет сформулировать гештальт-сценарий, в соответствии с которым строятся все рассмотренные контексты, при этом в разных контекстах, в зависимости от коммуникативной установки субъекта, в фокусе внимания оказываются разные фрагменты единого гештальт-сценария.

Интересующий нас гештальт может быть связан с онтологией процесса восприятия: контекст с глагольным предикатом *казаться/показаться* строится в соответствии с общими принципами восприятия, отражает прототипическую ситуацию восприятия (чаще зрительного). Так, в репродуктивном контексте конструируется пространственная перспектива – позиция наблюдателя, т.е. местоположение, из которого субъект наблюдает за происходящим. Наблюдатель локализован в пространстве „возможного“ мира, занимает синхронную со временем описываемого события позицию. Гештальт строится так: субъект-наблюдатель первый раз замечает объект, находясь на значительном расстоянии от него. Первая фиксация увиденного объекта маркируется словом *казаться/показаться* (ср. связь когнитивных значений *показаться* и *казаться*: *гора показала на горизонте – гора кажется высокой*). Гештальт-сценарий также фиксирует принципиальную возможность изменения первого впечатления субъекта: например, если наблюдатель приближается к заинтересовавшему его объекту, то получает возможность лучше рассмотреть объект, сформировать более полное представление о нем. С позиции этого, более полного представления/знания субъект получает возможность осмыслить первичное впечатление как соответствующее или не соответствующее тому, что имеется в действительности.

Когнитивный гештальт-сценарий представляет восприятие как динамичный процесс, состоящий из этапов. Первый этап – перцептивное восприятие, второй этап – ментальное осмысление перцептивных данных. Этап ментального осмысления перцептивных данных получает в дискурсивном контексте коммуникативный статус ‘знания’. Каждый из двух названных этапов восприятия получает репрезентацию в контексте – репродуктивного или информативного коммуникативного типа. ‘Знание’, в свою очередь, формирует пресуппозитивную базу для рефлексивного акта субъекта.

Целостность гештальт-сценария имплицирована во всех контекстах употребления глагольных слов *казаться/показаться*, однако в разных контекстах в качестве „фона“ выделяются разные фрагменты гештальт-сценария, а на том или ином конкретном „фоне“ выделяется более мелкий фрагмент в качестве доминирующей „фигуры“ гештальта. Если сравнить коммуникативные установки субъекта, запечатленные в семантике репродуктивного и информативного контекстов, то можно констатировать смену фокуса внимания с наблюдаемого объекта („фигура“) в репродуктивном контексте („фон“) на мыслящего субъекта, содержание его мыслей („фигура“) в информативном контексте („фон“) (ср.: контексты репродуктивного (1) и информативного (2) регистра: (1) „небо казалось **чрезвычайно низким и черным**“ – (2) „**проплутать всю ночь в мороз и метель в совершенно голой степи... казалось очень невесело**“).

Концептуальная целостность гештальт-сценария проявляет себя также и в том, что информативное значение *казаться/показаться* сохраняет связь с репродуктивным: интерпретация, умозаключение, вывод восходят к акту перцепции, имеют эмпирическую основу. Но все же ментальный модус предполагает отрыв от акта перцепции, переход на уровень эпистемического плана повествования, как в случае с информативно-описательной стратегией ретроспективного рассказа участника прошлого события (*Метель*). Характер взаимодействия значения слова и семантики контекста таков, что глагольный предикат *казаться/показаться*, благодаря контексту, получает информативное значение, но при этом полностью не исчезает репродуктивное значение слова. Репродуктивное значение лишь „дефокусируется“, отодвигается на второй когнитивный план.

Если же в контексте сообщается об объективных обстоятельствах (причинах), мешающих субъекту рассмотреть объекты внешнего мира, или если контекстуальный „фон“ содержит смысл ‘субъект-экспериментер находится в особом, угнетенном состоянии сознания, у него нарушена способность к восприятию’, то в соответствии с правилом „фон – фигура“ в фокусе внимания оказывается смысл („фигура“) – ‘впечатления такого субъекта ненадежны, интерпретации сомнительны, а сам когнитивный процесс характеризуется хаотичностью и схематичностью’. Внимание читателя фокусируется на персонаже, который не способен к целостному восприятию внешнего мира, а значит, не способен адекватно реагировать и анализировать происходящее с ним.

Библиография

- Гусев С. С. 2008. *Метафизика текста. Коммуникативная логика*, Санкт-Петербург: ИЦ Гуманитарная Академия.
- Золотова Г. А. 2004. *Коммуникативная грамматика русского языка*, Москва: Институт русского языка РАН им. В. В. Виноградова.
- Ирисханова О. К. 2014. *Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования*, Москва: Языки славянской культуры.
- Кубрякова Е. С. 2012. *В поисках сущности языка: Когнитивные исследования*, Москва: Знак.
- Кубрякова Е. С. (ред.) 1997. *Краткий словарь когнитивных терминов*, Москва: МГУ.
- Чернцова Е. В. 2013. Дискурсивные модификации субъектных значений предикатов 'казаться', 'показаться', „Наукові записки Луганського національного університету”, № 2 (38), с. 45–61.
- Чернцова Е. В. 2016. Художественная нарративная стратегия и когнитивная семантика слова (на материале глагольных предикатов 'казаться', 'показаться'), „Вісник Харківського національного університету”, вип. 75, с. 6–11.

Список сокращений

- НКРЯ – Национальный корпус русского языка, электронный ресурс: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (доступ 2.09.2015).
- НОССРЯ – Апресян Ю. Д., Богуславская О. Ю., Левонтина И. Б., Урысон Е. В., Гловинская М. Я., Крылова Т. В. 1999. *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*, Москва: Школа Языки русской культуры.